

Никитин Р.М.
ЗАЩИТА ВИТЕБСКА 9–12 ИЮЛЯ 1941 ГОДА
И ПРОБЛЕМАТИКА ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

До недавнего времени в массовом сознании и даже среди исследователей начального периода Великой Отечественной войны была распространена гиперболизированная поэтическая характеристика витебских событий 9 – 12 июля 1941 г. Выраженная в известном стихотворении белорусского советского поэта Аркадия Кулешова, первой строкой которого является утвердительное «сдан город Витебск...», она не имеет ничего общего с реальностью тех дней даже в географическом плане. Защитники Витебска, красноармейцы и ополченцы, не «уходили вдоль Двины», а «откатывались» от нее под напором превосходящих сил противника. Однако случилось это лишь на третий день упорных уличных боев. И вместе с тем, у поэта есть своя правда, пронизанная горечью потери любимого города, со сквозящим между строк вопросом: как же такое могло произойти?

Сдача Витебска, открывавшая путь на Смоленск, не могла привидеться Ставке Главного Командования и в страшном сне. Тем не менее, именно ее председатель, народный комиссар обороны маршал С.К. Тимошенко несет ответственность за прорыв к городу 20-й танковой ди-

визии 39-го армейского (моторизованного) корпуса 3-й танковой группы (командующий – генерал-полковник Герман Гот) с последующим овладением его западной частью 9 июля 1941 г. Так как в период со 2 по 19 июля Тимошенко непосредственно командовал Западным фронтом, его ответственность является прямой, полной и безусловной. Именно он, прельстившись возможностью разгрома оторвавшихся от пехотных дивизий моторизованных соединений вермахта, 4 июля подписал директиву № 16 о подготовке контрудара на Сенно и далее на Лепель [1], неудача которого во многом предопределила дальнейший ход событий на данном участке фронта. Что касается подписанной им позднее директивы на уничтожение прорвавшегося к Витебску противника с созданием «прочной» обороны на восточном берегу Западной Двины [2], то она была трудно выполнима, о чем Военный Совет Западного фронта не мог не знать. Прежде всего – по причине медленного развертывания 19-й армии (I-го формирования), вынужденной вступать в бой по частям по мере их прибытия. Иными словами, Советское командование могло рассчитывать, что контрудар под Сенно окажется таким сокрушительным, что врагу будет не до Витебска, а также на то, что город окажется надежно прикрыт с севера и запада целой армией, вместо одной единственной 186-й стрелковой дивизии 22-й армии (I-го формирования) Западного фронта, занимавшей с приданным ей Лепельским минометным училищем полосу в 60 километров по фронту. Итоговое поражение 5-го и 7-го механизированных корпусов и запаздывание с развертыванием на Витебском направлении 19-й армии [3] превратили замысел командующего вырвать стратегическую инициативу у противника и перейти от войны оборонительной к войне наступательной в авантюру. К сожалению, в те июльские дни германской армии удалось ровно то, что не получилось у Советской, – наступать, обороняясь, примерами чего являются, и вместе, и по отдельности, Сенно-Лепельская и Витебская операции. Между тем, наиболее нежелательным вариантом для немецкого командования еще при разработке будущего плана «Барбаросса» была та самая «прочная» оборона по рубежам Западной Двины, Днепра и в их междуречье – так называемых «Смоленских воротах», о которой издал свою запоздалую директиву нарком обороны. Вариант, при котором армии первого советского стратегического эшелона, не ввязываясь в приграничное сражение, отойдут к Западной Двине и Днепру, был признан немецкими штабистами наихудшим из возможных [4, с. 318]. Как мы знаем, в реальности он осуществлен не был, но на тех же рубежах судьба предоставила еще один шанс уже второму стратегическому эшелону.

Перечисляя в своей справке соединения, имевшиеся в распоряжении 19-й армии к 9 июля 1941 г., ее штаб делает категоричное заключение: «Таким образом, на витебском направлении войск 19 армии не было вовсе. В связи с этим армии был подчинен 23 механизированный корпус, сосредоточившийся в районе Стасево и имевший в качестве реальной силы одну 220 мсд (фактически едва сформированное по штатам мсд соединение без танков и машин при неполном оснащении артиллерией)».

Одной из главных проблем существующего в настоящее время освещения защиты Витебска 09–12 июля 1941 г. является его фрагментарность. За исключением, возможно, лишь работы В.В. Акуневича «Оборона Витебска летом 1941-го» [6], целостная картина событий тех дней практически отсутствует: оборона 9-го июля словно отделена от боев 10–12-го глухой стеной. Это обусловлено как характером самих боевых действий, так и спецификой их исследований. Лишь в ночь с 9-го на 10-е в городе появляется единственное крупное соединение РККА, 220-я дивизия, имевшая печать моторизованной, в большинстве документов указанная как мотострелковая, а, по сути, ввиду некомплекта матчасти – стрелковая дивизия, на что пытался обратить внимание Генштаба ее командир генерал-майор Н.Г. Хоруженко. Благодаря личному участию начальника штаба дивизии майора С.Н. Переверткина, впоследствии выдающегося советского военного деятеля, архивный фонд этого соединения в ЦАМО [5] располагает восстановленным после утраты в окружении журналом боевых действий 220-й мсд за 1941 г. по конец июля включительно. Однако, при всей уникальности этого ЖБД, являющего собой, по сути, авторизованный гибридный исторический формуляр и канонического боевого документа, к сожалению, из него не удастся почерпнуть никакой информации о героической обороне 9-го июля, а также о взаимодействии армейских частей и народного ополчения. Эти сведения содержатся в сборнике воспоминаний, документов и публикаций «Витебск: первые дни войны...» [7]. При этом важно отметить, что здесь встречается ряд упоминаний о том, что с подходом войск Красной Армии, витебские ополченцы влились в их ряды [7, с. 58–61, 75–77, 79–83, 86–

89]. Можно с полным правом говорить о том, что не какая-либо армейская часть, получившая приказ на оборону, а именно ополченцы удержали восточную часть города до подхода войск. Отмечая достаточную исследованность их боевого подвига, нельзя не упомянуть выявленный недавно уникальный документ – «полевую записку» (копия имеется в распоряжении ВОКМ), свидетельствующую о существовании его единого дивизионного управления, пытавшегося наладить связь с частями РККА и сообщить о прорыве противника к Витебску. В то время, как все имеющиеся в настоящее время доступные источники говорят о сопротивлении, оказанном врагу лишь отдельными батальонами, дравшимися изолированно друг от друга.

Не последнюю роль в том, что 8–9 июля Витебск оказался, по сути, без войсковой защиты, сыграло смещение к 06.07.1941 г. разграничительной линии между соседними 22-й и 20-й армией, последовавшее за передачей 153-й стрелковой дивизии (I-го формирования) в подчинение последней. Разграничительная линия прошла прямо через город, причем для 22-й армии и ее левофланговой 186-й сд он стал исключением. Оборонять его должна была 153-я сд. Именно она, еще до передачи в подчинение 20-й армии «силами войск и местного населения подготавливала круговую оборону города Витебска по линии Мишкура, Терерки, отметка 178, исключительно станция Княжица, Вороники» [8, с. 95]. Однако, дивизия приняла бой не на этих позициях, а юго-западнее – она оказалась задействована в Сенно-Лепельской операции. Сыграл свою роль и географический фактор, в частности, особенность направления течения Западной Двины (что хорошо осознавало немецкое командование), при которой переправа в районе Уллы открывала дорогу на Витебск без риска иметь дело с сохранившимися боеготовность 153-й, 229-й сд, а также 14-й танковой дивизией РККА, и без дополнительной водной преграды – реки Лучоса. Учитывая то, что, переправившись 8-го июля через Западную Двину, части 20-й танковой дивизии вермахта оттеснили от Витебска на северо-восток, расчленили и частично окружили 186-ю стрелковую дивизию, 9-го июля город оказался совершенно беззащитен. И хотя там пытались обороняться отдельные группы курсантов отступившего без приказа на западную окраину города Лепельского минометного училища, бойцы и командиры 37-й сд (I-го формирования), целыми армейскими частями они не являлись. Таковых в Витебске на тот момент вообще не имелось, если не считать 6-го отдельного разведывательного батальона 50-й стрелковой дивизии, имевшего в составе артиллерию и легкую бронетехнику. Что касается двух небезызвестных эпизодов, связанных с использованием в боях 9-го июля ремонтировавшихся здесь же тяжелых танков «КВ-2», то, по крайней мере, к одному из них следует отнестись критически. Речь о знаменитом колоссе, свалившемся под откос у здания тогдашнего обкома партии. Вот что говорится об этом в документах 14-й танковой дивизии, которой принадлежал танк: «...Машиной командовал лейтенант (фамилия неизвестна) из 137 дивизии. Машина ходила в разведку, и когда возвращалась, после отказа тормозов на подъеме после моста через р. Зап. Двина свалилась под откос, и 10.07.41 г. была взорвана» [9]. Тщетными окажутся поиски на фотографиях злосчастного танка, выставленных на международном аукционе E-Bay, следов того самого взрыва, факт которого, кстати, не подтвердил и местный житель, подростком ставший свидетелем этих событий. По-видимому, тот, кто составлял отчет, не предполагал когда-либо вернуться в Витебск и не подозревал о количестве фотоаппаратов у противника. Отдельный вопрос – упоминание о неизвестном лейтенанте из 137-й дивизии. Можно с уверенность сказать, что дивизии с таким номером в Витебске и поблизости не было. Утром 10-го июля в город ворвалась сводная рота 137-го танкового полка, входившего в 220-ю мсд. Таким образом, удалось установить, что опрокидывание, возможно, технически неисправного или выведенного из строя танка, произошло не 9-го июля, а уже 10-го либо 11-го.

Не в меньшей степени заслуживают критики и немецкие источники. Так, например, Герман Гот оценивает сопротивление в Витебске как слабое [10, с. 100]. Между тем, в отчете подчиненной ему как командующему 3-й танковой группой 20-й танковой дивизии вермахта говорится о совершенно обратном: «Постоянная авиаразведка предоставляла сведения о передвижениях вражеских войск. Они подтверждались жестким сопротивлением, на которое передовой отряд натолкнулся в Витебске...» [11].

На основании вышеизложенного, закономерным представляется вывод о том, что, несмотря на крупные просчеты советского командования, прорыв немецко-фашистских войск к Витебску не привел к немедленной сдаче города. Напротив, в течение трех дней за него шли упорные бои, в которых вместе с целыми и разрозненными частями Красной Армии героически сражались витебские

ополченцы и милиционеры. Вместе с тем, воссоздание достоверной и целостной картины витебской обороны невозможно без исследования всех «белых пятен», связанных с участием в боях ряда советских и немецких частей (например, пограничных и других войск НКВД, 20-й тд вермахта), а также без критического осмысления уже известных источников.

Литература

1. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 10169сс. – Д. 4. – Л. 128–129.
2. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 10169сс. – Д. 4. – Л. 190.
3. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 3038сс. – Д. 36. – Л. 27–36.
4. Лопуховский, Л. Июнь 1941. Запрограммированное поражение / Л. Лопуховский, Б. Кавалерчик. – Москва: Яуза; Эксмо, 2010. – 736 с.
5. ЦАМО. – Ф. 1490. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–30об.
6. Акунович, В.В. Оборона Витебска летом 1941-го / В.В. Акунович // Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: мат-лы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 24 чэрвеня 2004 г. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004. – С. 12–17.
7. Витебск. Первые дни войны: хроника событий / сост. А.М. Подлипский. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2011. – 96 с.
8. Еременко, А. В начале войны / А. Еременко. – Москва: Наука, 1965. – 320 с.
9. ЦАМО. – Ф. 3014. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 50.
10. Гот, Г. Танковые операции / Г. Гот. – Москва: Воениздат, 1961. – 208 с.
11. Мартов, В. Белорусские хроники, 1941 год / В. Мартов // Литературно-публицистический журнал ИДИОТ 41 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.idiot.vitebsk.net/i41/mart41_1.htm. – Дата доступа: 02.03.2014.